

П. В. Лукин

ИРИ РАН, РАНХиГС, Москва, Россия. lukinpavel@yandex.ru

**«И БЫСТЬ ПУЩЕНИЕМЪ БОЖИЕМЪ ВЪ ТЫИ ДНИ
ВЪЗМОГОША ИНОПЛЕМЕННОЦИ, ГЛАГОЛЕМЫИ ТАТАРОВЕ...»:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТВЕРСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В XV В.**

Статья посвящена анализу исторических представлений, которые отразились в двух произведениях тверской публицистики XV в., написанных в эпоху правления великого князя Бориса Александровича и связанных с его двором. Выясняется, что их авторы исходили из того, что Тверское княжество всегда было независимым политическим образованием, тверские князья были самодержцами, а монгольское иго либо было эпизодом в истории Твери, либо его вообще не было. Эти противоречащие реальным фактам трактовки играли, по-видимому, важную роль в обосновании «суверенности» Тверского княжества и могут быть сопоставлены со схожими явлениями, характерными для других русских земель этого времени, например для Новгородской республики.
Ключевые слова: Тверь, Борис Александрович, русская политическая идеология XV в., монгольское владычество, Великий Новгород

Автор благодарит за помощь, советы и критику А. Ю. Виноградова, Е. А. Конявскую, С. В. Полехова, А. С. Преображенского. Никто из них не несет ответственности за недостатки этой статьи.

Тверская политическая идеология XV в. уже неоднократно становилась предметом исследования. Внимание привлекало, как правило, яркое и необычное «Похвальное слово» Фомы, о котором написано немало. Реже объектом рассмотрения становился еще один примечательный тверской памятник публицистики примерно того же времени – «Предисловие летописца княжения Тферскаго благовѣрныхъ великихъ князей тферьскихъ», включенное в состав Тверского сборника и представляющее собой панегирик великому князю тверскому Михаилу Александровичу, княжившему во второй половине XIV в.¹ Объединяет оба произведения то, что они были созданы при правнучке Михаила великом князе тверском Борисе Александровиче (1425–1461 гг.). В работах, посвященных «Предисловию», обычно рассматривался его текстологический статус: сочинение разрывает текст тверской летописи, в нем самом есть нелогичные обрывы и переходы, свидетельствующие, вероятно, о том, что это была часть какого-то более обширного памятника. Относительно места «Предисловия» среди других тверских сочинений, посвященных Михаилу Александровичу, а также времени и обстоятельств его включения в тверскую летопись высказывались разные мнения, и полной определенности здесь нет [Конявская, 2007, с. 191–199 (с подробным разбором предшествующей литературы)]. Идеологии же «Предисловия» уделялось заметно меньшее внимание. Так, много занимавшийся тверской политической идеологией В. Водов упоминает это произведение, но очень скупо его комментирует, предпочитая «Предисловию» «Похвальное слово» Фомы. Так же поступили и другие зарубежные исследователи «тверской политической мысли»: Ч. Дж. Гальперин и Э. Клюг, которые лишь мельком в этом контексте упоминают «Предисловие», подробно разбирая «Похвальное слово» [Halperin, 1977, p. 273, no. 24; Vodoff, 1989b, p. 483; Клюг, с. 316–317].

Коснулся «Предисловия» в своей работе, где, пожалуй, впервые была подробно рассмотрена тверская политическая идеология XV в., Я. С. Лурье. Он отметил следующие тенденции «Предисловия»: идея преемственности тверских князей от киевских; претензии на этом основании на законные права тверских князей владеть Владимирским великим княжеством; анти-

¹ ПСРА. М., 2000. Т. 15. Стб. 463–470 (2-я пагинация).

московская направленность; мечты об объединении большей части русских земель в единое государство с центром в Твери, обоснованные с помощью «воспоминаний» о власти отца Михаила великого князя Александра Михайловича над Владимиром, Великим Новгородом и Нижним Новгородом и другими территориями, многие из которых никогда ему в действительности не принадлежали [Дурье, 1939, с. 96–97]. Упомянутый выше В. Водов также подчеркнул представленную в «Предисловии» идею преемственности тверских князей от киевских и владимирских и их территориальные притязания, а кроме того, отметил, что в «Предисловии» (как и у «Фомы») отразилось восприятие тверского великого князя как «самодержца» и идея о том, что Тверь хранима Богом [Vodoff, 1989a, p. 58–59; Vodoff, 1989b, p. 486].

Особое место в скромной историографии политической идеологии «Предисловия» занимает совместная статья В. А. Кучкина и Б. Н. Флори, в которой оно анализируется наиболее всесторонне и подробно [Кучкин, Флоря, с. 191–194]. Авторы справедливо обратили внимание на целый ряд идей составителя «Предисловия», не замеченных предшественниками. Важнейшей из них для нас является представление о независимости власти тверского князя – и от владимирского и московского великого князя, и от ордынского хана, которое, как также убедительно показали историки, находилось в противоречии с реальностью. Еще одна концепция «Предисловия», проанализированная В. А. Кучкиным и Б. Н. Флорей, – концепция прав и обязанностей князя: князь, с одной стороны, обладает полновластием внутри княжества, с другой – обязан заботиться о своей земле и людях, ее населяющих (в первую очередь, конечно, о знати). Общерусские притязания Твери, отразившиеся в «Предисловии», по мнению авторов, представляют собой лишь отзвук былого величия и не более чем «намек».

Тем не менее, как кажется, в «Предисловии» есть сюжеты, которым ранее не уделялось достаточного внимания или которые можно трактовать в несколько ином ракурсе. Прежде всего, это касается исторической концепции текста. Если читать его внимательно и вне заранее известного контекста (тем более допуская, что это изначально была часть некоего нелетописного сочинения), у читателя неизбежно сложится впечатление о том, что история Твери после монголо-татарского нашествия была совсем иной, чем она предстает в других источниках. Именно на этом, наименее, как кажется, изученном, аспекте тверской политической идеологии мы преимущественно сосредоточим свое внимание².

Общая историческая концепция «Предисловия» следующая. История Руси начинается с Владимира Великого, «иже святымъ крещениемъ просвѣтивый землю Русскую», продолжается его потомками, киевскими и владимирскими князьями, вплоть до Ярослава Всеволодича, чьим естественным преемником оказывается Ярослав Ярославич, прародитель всех тверских князей. На его сыне, между прочим, князе-мученике Михаиле Ярославиче особого акцента не делается, он только характеризуется как «доблий» (то есть доблестный, мужественный, благородный).

А вот отцу Михаила Александровича, Александру Михайловичу, посвящен целый панегирик. То, что он характеризуется как самодержец, владевший вслед за своими предками – от Владимира Святого до Михаила Ярославича – Русской землей, в литературе уже отмечалось. Более того, все тверские князья, начиная с первого, Ярослава Ярославича, оказываются законными и естественными преемниками князей киевских и владимирских, и в этом качестве самодержцами Русской земли (хотя Михаил Александрович и следующие тверские князья так прямо не называются, но подспудно читателю должно быть ясно, кто законный наследник «само-

² Мы сознательно обходим сюжеты, уже подробно рассмотренные в историографии, прежде всего «царскую» тему в тверской придворной публицистике XV в., затрагивая их лишь постольку, поскольку они имеют отношение к отразившейся в ней исторической концепции.

держцев»): Александр Михайлович «также самодержецъ бѣ, владѣяше землю Рускую, якоже и отецъ его Михаилъ (Ярославич. – П. Л.) и вси прадѣди его»³.

Но в высшей степени интересным, необычным и даже несколько экстравагантным выглядит то обстоятельство, что появление монголо-татар в тверской и вообще в русской истории связывается в «Предисловии» именно с правлением Александра Михайловича. Автор изображает это так. «Державный» Александр владел «землею Рускою, Володимиремъ, и Великимъ Новымгородомъ, и всею страну до моря Варяжского, и паки Новымградомъ Нижнимъ и до предѣлъ Измаилтескихъ, и вѣсточными странами обонъполь Устюга до рѣкъ Угорскихъ, даже и до моря Печерскаго» – на всех этих территориях якобы «возносилось» его «честное имя»⁴. Что касается этого странного списка владений Александра Михайловича, то обычно подчеркивается его гомерическая преувеличенность, с чем спорить не приходится. Однако в этой «гигантомании», как кажется, есть своя система. Она основывается на двух принципах: (1) верховная власть над Русью – наследственная привилегия тверских князей; (2) всё, что хотя бы когда-то им принадлежало или к чему они могли иметь отношение благодаря родственным связям, по праву должно считаться так или иначе им принадлежащим. Действительно, Александр Михайлович был великим князем владимирским (правда, очень недолго, в 1326–1327 гг.) и как владимирский князь одновременно был и князем новгородским. Это давало основания утверждать, что ему как бы принадлежали и новгородские владения, доходившие до «Варяжского» (Балтийского) моря. Нижним Новгородом Александр Михайлович владел как великий князь владимирский («тянувшие» к Нижнему Новгороду земли действительно доходили до «пределов измаилтрянских», то есть татарских). Была, однако, и еще одна связь между тверскими и нижегородскими князьями, которая могла быть спроецирована на прошлое: сын Александра тверской князь Михаил Александрович и тоже объект восхвалений автора «Предисловия» (назван в нем «великим самодержцем»⁵) был женат на дочери нижегородского князя Константина Васильевича Евдокии⁶. Потомком этого союза был правнук Михаила Борис Александрович. Эта преемственность специально подчеркивается в «Предисловии»: Константин сам мечтает выдать дочь замуж за «благосмысленного и благородного» тверского князя и умоляет того не отказать ему. Далее говорится, что следующий тверской правитель, Иван Михайлович, дед Бориса, был рожден именно от «благоумной» дочери «великого князя Костантина»⁷. Это единственный такой пример акцентирования брачных уз тверских князей в «Предисловии», и, думается, он не случаен.

Сложнее обстоит дело с Устюгом. Устюг был городом в составе Ростовского княжества и к тверским князьям не имел никакого отношения [Кучкин, с. 275–276]. В «Предисловии», однако, сказано, что Александр Михайлович владел землями «обонъполь» Устюга. «Обонъполь» – это «на другой (противоположной) стороне чего-л., по другую сторону чего-л.»⁸. Противоположной стороной от Устюга для тверича была, естественно, сторона восточная, там располагались новгородские владения. Их, как мы помним, автор «Предисловия» считал принадлежавшими тверскому князю. В этом же направлении ведут и географические указания. «Реки Угорские» – вероятно, «югорские», Югра была самой дальней северо-восточной волостью

³ ПСРА. Т. 15. Стб. 464–465 (2-я пагинация).

⁴ Там же. Стб. 465.

⁵ Там же. Стб. 464.

⁶ Там же. Стб. 61.

⁷ Там же. Стб. 468.

⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 124.

Новгорода. Печорское море – акватория в юго-западной части Баренцева моря, куда впадает река Печора, соотносится с еще одной новгородской волостью – Печорой⁹.

Благодаря этим риторическим историко-географическим ухищрениям Александр Михайлович в «Предисловии» оказывается правителем огромной независимой державы. И именно на этом фоне происходит нашествие татар: «И бысть пущениемъ Божиимъ въ тьи дни възмогша иноплеменници, глаголемыи Татарове, и на сего Александра завистию вземшеса, царствующу *въ нихъ* (курсив мой. – П. Л.) тогда нечестивому (въ) царствийхъ Озбяку, и Шевкаль нѣкто именемъ, князь силы его, съи похвалися, и глагола окаанный цареви своему: “повели ми, о царю, да шедь убо на Русь, Александра приведу къ тебѣ, а христиане сътворю по воли твоей”»¹⁰. До этого в историческом экскурсе «Предисловия», где в качестве прямых предков и предшественников Александра Михайловича и его сына Михаила фигурируют владимирский великий князь Ярослав Всеволодич и его внук Михаил Ярославич Тверской, погибшие соответственно в ставке ханши Туракины и в Орде, татары вообще не упоминаются! Таким образом, эта центральная для нашего основного тезиса фраза заслуживает подробного разбора.

Во-первых, на исторической арене татары появляются, оказывается, только в княжение Александра Михайловича Тверского, то есть *не ранее второй четверти XIV в.* Это, как уже говорилось выше, свидетельствует о том, что в рамках политической идеологии, которой придерживался автор «Предисловия», Тверь была изначально независимой, а монголо-татарское нашествие либо не привело к установлению над подвластной ей территорией ордынского владычества, либо его вообще как бы не было. Во-вторых, причиной нападения татар на Тверь была их зависть по отношению к Александру Михайловичу. Это объясняет необходимость виртуального расширения его владений *ex post*, о чем также уже говорилось (завидовать могущественный восточный правитель мог, естественно, не одному из довольно многочисленных русских князей, а «великому самодержцу»). В-третьих, – и это очень важно! – Узбек не только третируется как «нечестивый в царствиях» (не вполне понятно, между прочим, какие «царствия» имеются в виду), но и определяется как царь «у них», то есть у татар. Вполне очевидно, что царем «у нас», то есть у тверичей, он не считается. Как показывают наблюдения А. А. Горского, претензии на царское достоинство фиксируются у московских князей с середины XV в., а в начале 70-х гг. XV в. в московской книжности высказываются мысли о незаконности власти над Русью ордынских ханов. Однако еще перед «стоянием на Угре» 1480 г. ростовский архиепископ Вассиан Рыло вынужден был убеждать Ивана III преодолеть «комплекс царя», то есть представление о необходимости признавать хана как легитимного сюзерена [Горский, с. 134–149]. При этом он оспаривал актуальную еще в это время аргументацию сторонников лояльности ордынскому «царю», внушавших великому князю такую мысль: «Под клятвою есмь от прародителей, – еже не поднимати руки противу царя, то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати». Для Вассиана Рыло такая – неправильная, конечно, с его точки зрения – ситуация сложилась уже начиная с нашествия Батыя, «иже пришед разбойнически и поплѣни всю землю нашу, и поработи, и *воцарися над нами* (курсив мой. – П. Л.)...»¹¹. Что такие представления были реальностью, известно на примере оценок, данных в рассказах летописей, восходящих к общерусскому своду 1408 г. (в целом промосковской ориентации), о нашествии Тохтамышя на Москву: «Князь же великийи Дмитрии Ивановичь, то слышавъ, что самъ царь идет [ь]

⁹ Волости Печора и Югра регулярно упоминаются в договорах Новгорода и с князьями, в том числе и в близких по времени к эпохе, когда было написано «Предисловие» (ГВНП. № 19. С. 35; № 22. С. 40).

¹⁰ ПСРА. Т. 15. Стб. 465 (2-я пагинация).

¹¹ Послание на Угру Вассиана Рыло / Подг. текста Е. И. Ванеевой // БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. С. 394.

на него съ всею силою своею, не ста на оби противу его, ни подня руки противу царя, но поеха въ свои градъ на Кострому»¹².

В Твери антиордынская идеология появилась раньше, и, как мы видим, в XV в. там сформировался квазиисторический нарратив, в рамках которого власть хана просто игнорировалась.

Попытка завоевания Твери связывается в «Предисловии» не с Батыевым нашествием, а с событиями 1327–1328 гг.: присылкой Узбеком Шевкала (эмира Чол-хана), восстанием в Твери и последующим карательным походом татар и «Ивана Московского» (то есть Ивана Калиты, который в тексте даже не назван князем): «И бысть пущениемъ Божиимъ въ тыи дни възмогша иноплеменници, глаголемыи Татарове ... и Шевкаль нѣкто именовъ, князь силы его (Узбека. – П. Л.), съи похвалився, и глагола окаанныи цареви своему: “повели ми, о царю, да шедь убо на Русь, Александра приведу къ тебѣ, а христиане сътворю по воли твоей”»¹³. Здесь следует обратить внимание на глагол «возмочи». В данном случае он означает, по-видимому, ‘усилиться, укрепиться’¹⁴. Дело изображается таким образом, что татары превратились в угрозу для Руси незадолго до описываемых событий.

Миссия же избавления тверичей «отъ великыя нужи иноплеменникъ» поручена, согласно «Предисловию», сыну Александра Михайловича Михаилу Александровичу, который, хотя и не был непосредственным преемником отца как великого князя тверского, еще в юности «царскими утѣшенми благочиннѣ веселящися». Таким образом, он, по «Предисловию», как бы наследует царскую харизму отца. Бегство Александра Михайловича из Твери оказывается следствием совета епископа Андрея, который учил князя «не збирати воа, ни въпреки глаголати цареви», и чуть ли не актом добровольного смирения. А Михаил, в свою очередь, не может признавать над собой власти иноземного правителя, о чем фактически прямо и говорится в тексте: «... Михайлови же възмужавшу, възмагающу, и познавашеся от всѣхъ человекъ, яко сы хочеть Богъ свободити люди своя отъ великыя нужа иноплеменникъ»¹⁵.

Разумеется, эта картина не имеет никакого отношения к реальности, и ее появление в XV в. можно было бы даже считать некоей случайностью, если бы такие же представления, пусть и не столь эксплицитно, не отразились в другом произведении тверской публицистики того времени – в упомянутом выше «Похвальном слове» князю Борису Александровичу, приписываемом иноку Фоме. Литература, посвященная этому сочинению и в том числе его политической идеологии, достаточно объемна, и мы не будем на нем подробно останавливаться. Не вполне понятно даже, принадлежит ли всё произведение одному автору, и был ли автором именно Фома¹⁶.

Достаточно лишь отметить, что ордынская тема трактуется в нем схожим образом, что и в «Предисловии», хотя и не тождественно. Ордынское владычество в «Похвальном слове» вообще не упоминается. Борис Александрович выступает в нем как абсолютно самостоятель-

¹² ПСРА. Т. 15. Стб. 143–144 (1-я пагинация); М., 2007. Т. 18. С. 132. См. об этом: [Halperin, 2009, p. 134, 176–181; Горский, с. 139, 145–147]. О тенденциях свода 1408 г. см.: [Лурье, 1976, с. 45–49].

¹³ ПСРА. Т. 15. Стб. 465–466 (2-я пагинация).

¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 296.

¹⁵ ПСРА. Т. 15. Стб. 466–468 (2-я пагинация). Освободительная «миссия» Михаила Александровича отмечена Е. Л. Конявской [Конявская, 2007, с. 195]. В действительности, впрочем, эта «миссия» за рамки риторики фактически не вышла, и даже в самом «Предисловии» далее говорится не о борьбе с «иноплеменниками», а об укреплении власти Михаила в Тверской земле.

¹⁶ Идея о том, что «Похвальное слово» – не цельное произведение, а сочинение, соединяющее отдельные «слова», обосновал А. А. Шахматов [Шахматов, с. 6–7]; тезис о том, что Фома не был его автором, предложен В. Филиппом и получил признание в зарубежной историографии [Philipp, S. 230–233]. Для нас ни то, ни другое значения в данном случае не имеет.

ный, «суверенный» монарх¹⁷. Избегание ордынской темы в «Похвальном слове» просто бросается в глаза. Так, говорится, что Борис стяжал «Михаиловъ разумъ» и что земля Тверская хвалится Михаилом. Если здесь имеется в виду Михаил Ярославич, а не Михаил Александрович (поскольку этот князь называется «корнем», от которого происходит Борис Александрович, и сопоставляется с такими великими святыми – просветителями своих земель, как Константин Великий и Владимир Святославич, вероятнее, это все-таки Михаил Ярославич), то отсутствие упоминания о его мученической гибели бросается в глаза. Что касается Александра Михайловича – центрального персонажа «Предисловия», то его в «Похвальном слове» просто нет, и «скользящая» тема подавления тверского восстания 1327 г. полностью обходится. В то же время деятельность значительно менее яркого Ивана Михайловича, деда Бориса, довольно подробно характеризуется. Татары появляются только в «летописной» части памятника, причем как бы опосредованно. Дмитрий Шемяка, пытающийся захватить власть в Москве, обращается к тверскому князю Борису Александровичу, стремясь привлечь его на свою сторону, и обвиняет своего противника, Василия Темного, в том, что тот «целовал тотаромъ... что же твою отчину, великое княжение тферьское, да и наши отчины хоцет предати тотаромъ»¹⁸. Борис никак не комментирует это известие, от предложения отказывается и поддерживает Василия. В результате выстраивается образ тверского «самодержца» как спасителя московского великого князя и фактически соправителя Русской земли. Но в данном случае нас интересует не это, а то, что, как и в «Предисловии», татары появляются совершенно неожиданно, а русские княжества (и прежде всего, конечно же, Тверское) от них, в принципе, выглядят независимыми.

Определенным реальным основанием для такого рода идеологических конструкций могло быть отсутствие у Бориса Александровича ханского ярлыка на тверское княжение. Данных о том, что он его получал, действительно нет. Предположение о том, что тут могла быть связь, с некоторыми оговорками выдвинул В. Водов [Vodoff, 1989a, p. 55, no. 131]. Однако, как уже говорилось, предшественники Бориса Александровича, воспевавшиеся в придворной литературе его времени как «суверенные» правители (Михаил Ярославич, Александр Михайлович, Михаил Александрович, Иван Михайлович), его получали [Кучкин, Флоря, с. 200; Тюльпин, с. 165]. Мы, очевидно, имеем дело с политической идеологией, опрокинутой в прошлое.

К сожалению, оба произведения сохранились в дефектном виде. В единственном списке «Похвального слова» (второй половины XVI в.) оно, как отмечает его издатель Н. П. Лихачев, «испорчено... до потери смысла во многих местах» и, по-видимому, лишено окончания. В обоих списках «Предисловия» в составе Тверского сборника повествование «неожиданно обрывается» [Лихачев, с. X–XII, LIII; Конявская, 2007, с. 198]. Историческая концепция тверских книжников из окружения Бориса Александровича не получила полного развития. В сохранившихся памятниках тверского летописания политико-идеологическая тенденция несколько иная, не столь панегирическая по отношению к князьям, что вызвало даже предположение о том, что в их основе лежит не княжеский, а церковный источник [Лурье, 1939, с. 97–101].

Трудно также сказать, насколько эта программа выходила за литературные рамки. Я. С. Лурье полагал, что Борис Александрович тверской, воспользовавшись временным упадком Москвы, действительно выдвинул «национально-объединительные лозунги», ставил задачу обретения «национальной независимости», опередив в этом смысле московских князей, и даже считал риторикой «Фомы» относительно того, что Борис Александрович был достоин

¹⁷ Понятие «суверенный» мы используем, разумеется, с определенной долей условности, вслед за тем, как оно употребляется в современной отечественной историографии (см. об этом ниже), а не в точном соответствии с политической теорией, восходящей к Жану Бодену.

¹⁸ Лихачев Н. П. Инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908. С. 41.

царского венца, свидетельством реальной коронации [Дурье, 1939, с. 89, 101]. Однако, как было довольно убедительно показано впоследствии, представления «Фомы» о Русской земле под властью тверских князей, возможно, ограничивались их собственным княжеством (мы бы сказали, с учетом данных «Предисловия», сознательно не были в неопределенной обстановке 40–50-х гг. XV в. четко сформулированы), а о действительном акте венчания Бориса Александровича на царство говорить все-таки не приходится [Halperin, 1977, p. 269–271]¹⁹.

С другой стороны, изображения на рогатине Бориса Александровича, которая хранится в Оружейной палате Московского Кремля, по-видимому, как это показывает Л. И. Лифшиц с опорой на предшествующую историографию, отражают репрезентацию тверского князя как «нового Иосифа Прекрасного» и в этом качестве – как правителя, статус которого фактически соответствует царскому. Особенный интерес в этом контексте вызывают изображение юноши перед фигурой в короне в верхнем регистре и два изображения его же, восседающего на троне, в нижнем регистре. В соответствии с трактовкой Л. И. Лифшица, развившего некоторые выдвигавшиеся ранее гипотезы, это праотец Иосиф, который, соответственно, получает инвестиру от фигуры, символически воплощающей Египет, и беседует в двух сценах с пришедшими в Египет братьями, стремившимися спастись от голода. Это фигура так называемого «града Египта», встречающаяся в восточнохристианской живописи в сценах «Бегства в Египет». Примечательно, что в «Похвальном слове» фигурируют и Иосиф, которого поставил Бог «господина надо всѣмъ Египтомъ», и «градъ Египетъ», а сам тверской князь прямо называется «новыи намъ Иосифъ»²⁰. В охотничьих сценах на этом предмете Борис Александрович изображается как избранник Божий, оберегающий свою землю от поплзновений соседних властителей. Л. И. Лифшиц, думается, справедливо усматривает в идейной основе изображений на рогатине близость с тенденциями, проявившимися в «Похвальном слове» и «Предисловии» ([Лифшиц, с. 119–135]; см. также: [Попов, Рындина, с. 517–518]). Что это за тенденции?

Как уже вкратце говорилось выше, в литературе были выдвинуты аргументы против их характеристик как имперских или даже национально-освободительных. Несмотря на пышный риторический антураж, задача тверских придворных идеологов XV в. была скромнее: обосновать легитимность существования Тверского княжества как независимого политического образования. Впрочем, об идеологических отличиях тут можно говорить достаточно условно: при удобном случае, вероятно, в Твери вряд ли отказались бы от более масштабных притязаний. И всё же в основе тверской идеологической программы лежали свойственные ряду русских земель этого времени «суверенизационные» тенденции (используем термин, уже представленный в историографии [Кром, с. 21–22, 42–43; Исаева]). Именно этому и должна была служить, пусть и противоречащая реальным фактам, но обосновывающая исконность тверской независимости историческая концепция. В этом смысле ее вполне можно сопоставить с уже проанализированными нами в ряде опубликованных работ новгородскими концепциями, ко-

¹⁹ Ч. Дж. Гальперин считает, что Борис в «Похвальном слове» рассматривается как *primus inter pares* среди русских князей, а на власть над всей Русской землей он в этом произведении не претендует. На самом деле, думается, и у «Фомы», и в «Предисловии» здесь есть сознательная двусмысленность, которую, в принципе, не отрицает и американский историк: тверские идеологи этого времени явно оставляли пространство для интерпретаций, которые могли бы понадобиться при изменении политического контекста. Однако, как будет сказано ниже, в оценке основной идейной направленности сочинения «Фомы» Ч. Дж. Гальперин, как представляется, в целом прав. См. также: [Vodoff, 1989a, p. 56–58; Vodoff, 1989b, p. 486] (довольно убедительное обоснование чисто литературного характера «коронации» Бориса, возникшей под влиянием византийских и южнославянских образцов). В отечественной историографии высказываются, впрочем, соображения в поддержку идеи о материальном существовании «царского венца» тверского князя, появление которого связывается с попыткой коронации великого князя литовского Витовта в 1430 г. (Борис Александрович, как и другие русские князья, приезжал с этой целью в Литву; см.: [Полехов, р. 45]) и поездкой тверского посла на Ферраро-Флорентийский собор в 1438–1439 гг. [Конявская, 2018, с. 123–124].

²⁰ Лихачев Н. П. Инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. С. 13.

торые были призваны обслуживать ту же цель: происхождение новгородцев от рода варяжского, легенда о первом посаднике Гостомысле, идея о Новгородской земле как о дарованной Господом «отчине» новгородцев и, конечно, же центральная «скрепа» новгородской политической идеологии – представление о новгородской вольности.

Основанные на сконструированном прошлом намеки на территориальные амбиции тверских князей пересекаются с обоснованием права Новгорода на власть над северными волостями в поздних произведениях Знаменского цикла. Символические изображения на рогаatine Бориса Александровича, по-видимому, отсылавшие к чаемому им «самодержавному» статусу, имеют определенную параллель в образе сидящей на троне Новгородской Софии [Лукин, 2021, с. 121–124; Лукин, 2022, с. 179–241]. Разумеется, тут можно говорить только о сходстве того *впечатления*, которое могли производить и, по нашему мнению, производили эти изображения, и их *восприятия* соответственно тверской элитой и новгородским политическим сообществом: так, трон, на котором восседает София, сам по себе объясним в рамках композиции, основанной на классической для восточнохристианского искусства иконографии Деисуса. Декор же на парадном оружии тверского князя, хотя, видимо, и восходящий к библейским сюжетам, не имел сакрального значения. Были тут и другие отличия, в данном случае даже более существенные.

Новгородские «суверенизационные» идеи носили республиканский характер. Они были более многообразными и сложными, но поэтому же – в рамках представлений того времени, вращавшихся вокруг личностей правителей, – их было непросто обосновать и даже сформулировать. Это, прежде всего, относится к образу коллективного новгородского «суверена» – «всего Великого Новгорода», которому трудно было подыскать адекватное литературное или визуальное воплощение в рамках древнерусской традиции.

Тверская «суверенизационная» идеология отличалась большей четкостью и носила ярко выраженный монархический характер. Это был своеобразный «культ личности» тверских князей, которым Богом вверено управление «Русской землей», чьи границы, как мы видели, определялись весьма расплывчато (в явной надежде на возможное их расширение). Очень показательным в этом плане упоминание о «тверской свободе» из так называемой Второй Повести о Михаиле Александровиче Тверском, составленной, вероятно, по заказу его сына Ивана Михайловича, княжившего в 1399–1425 гг. [Конявская, 2007, с. 190]. С одной стороны, сразу вспоминается новгородская вольность, о которой говорилось выше. С другой – институциональное содержание тверской свободы предстает совершенно иным – ее олицетворением и гарантом оказывается не «политический народ», а персона усопшего князя. Умирая, Михаил Александрович обращается к тверичам: «Мнѣ Господь Богъ доселѣ повелѣ быти въ васъ, нынѣ же... вы оставляю любимаго и старѣшаго сына моего Иоанна, да будетъ вы князь въ мене мѣсто, вы же любовь имѣйте къ нему, яко же и ко мнѣ, и онѣ о Бозѣ да блюдет[ь] васъ, яко же и азъ». Тверичи в ответ восклицали: «Кде нынѣ отъходиши и камо грядеши отъ насъ, о Тфѣрскаа великаа свободо и честнаа слава сыновъ Тфѣрскихъ, великийи стражу Тфѣрскаго града, иже тако всегда стрегыи, яко же орель гнѣздо свое, и тобою сынове Тфѣрстии въ странахъ честни и необидими бываху»²¹. «Великая тверская свобода» приравнивается, как можно думать, к «суверенитету» князя, патерналистски заботящегося о подвластных ему людях и передающего эту миссию своему прямому наследнику. Именно на такой «свободе» (предвосхитившей, как справедливо писали В. А. Кучкин и Б. Н. Флоря, «свободу» Ивана Грозного) настаивал Борис Александрович еще в начале своего правления, в 1427 г., в договоре с великим

²¹ ПСРА. Т. 15. Стб. 172 (1-я пагинация).

князем Литовским Витовтом: «Яз, князь велики Борисъ Александровичъ, волень, кого жалую, кого казню...»²².

«Антиордынский» миф играл в тверской политической культуре примерно ту же роль, что и хорошо известная троянская легенда во многих западноевропейских политических образованиях: и то, и другое, вопреки всем историческим фактам, использовалось для акцентирования изначальной независимости, свободы, неподвластности другим правителям соответствующих политических образований.

Как мы уже знаем, на каком-то этапе «Предисловие» попало в тверскую летопись (если изначально не было ее частью), а в «Похвальном слове» есть летописные фрагменты. С учетом тех сведений, которые у нас есть, о том, как использовались в русской средневековой традиции летописи, смыслом создания подобных текстов могло быть не только (само)восхваление тверских князей. Они могли служить и более практическим целям: из них могли черпаться доводы для обоснования совершенно конкретных притязаний тверских династов во время разного рода внешнеполитических споров²³. Переписывание истории в «нужном» для тверской элиты ключе могло быть своеобразным «заделом» на будущее.

Но это будущее никогда не наступило. Достаточного исторического времени для дальнейшего развития тверской политической идеологии отведено не было. В 1485 г. история независимой Твери закончилась, и остается только радоваться, что у историков, благодаря во многом случайному стечению обстоятельств, сохранились источники, на основании которых можно хотя бы приблизительно охарактеризовать некоторые важнейшие элементы ее политической идеологии.

Литература

- Горский А. А. «Всего еси исполнена Земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001. 175 с.
- Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. 286, [2] с.
- Исаева Т. С. Господин Великий Новгород: эволюция политической формулы в контексте войн и дипломатии Восточной Европы конца XIV – XV веков. Дис. ... магистра. СПб., 2020. 99 с.
- Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.) / Пер. с нем. А. В. Чернышова. Тверь, 1994. 431 с.
- Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007. 399 с.
- Конявская Е. Л. Тверь в XV веке: мечта об идеальном городе // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2018. Вып. 11. С. 122–128.
- Кром М. М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. 245, [1] с., [12] л. ил.
- Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. 349 с.
- Кучкин В. А., Флоря Б. Н. Княжеская власть в представлениях тверских книжников XIV–XV вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», Москва, 29–31 мая 1989 г. М., 1995. С. 186–201.
- Лифшиц Л. И. Рогатина великого князя Тверского Бориса Александровича // Древнерусское искусство. Проблемы атрибуции. М., 1993. С. 110–144.
- Лихачев Н. П. Инока Фомы слово похвальное о князе великом Борисе Александровиче // Лихачев Н. П. Инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908. С. I–LX.

²² ДДГ. № 23. С. 62. Текст сверен с рукописью: РГАДА. Ф. 27 (Приказ Тайных Дел). Оп. 1. Ед. хр. 2. См. об этом: [Романов, с. 103; Клюг, с. 285–286; Кучкин, Флоря, с. 195, 200].

²³ Ср. знаменитый эпизод спора в Орде в 1431–1432 гг. между Юрием Дмитриевичем Звенигородским и его племянником Василием Васильевичем (будущим Василием Темным), когда первый искал великокняжеского стола «Летописци и старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрея (Ивановича Донского. – П. Л.)» (ПСРА. М., 2004. Т. 25. С. 249; см. об этом: [Зимин, с. 45–46]).

- Лукин П. В. Республиканская риторика в Древней Руси // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.* М., 2021. С. 76–152.
- Лукин П. В. Новгород и Венеция. Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб., 2022. 301, [1] с.
- Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства // *Ученые записки Ленинградского государственного университета.* 1939. № 36. С. 85–109.
- Лурье Я. С. *Общерусские летописи XIV–XVI вв.* Л., 1976. 283 с.
- Полехов С. В. Как короновать великого князя? Из истории «коронационной бури» (1429–1430) и инсигний, предназначенных для Витовта // *Istorijos šaltinių tyrimai.* Vilnius, 2021. Kn. 7. P. 9–74. DOI 10.33918/20290705-07001
- Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI века. М., 1979. 640 с.
- Романов Б. А. Родина Афанасия Никитина – Тверь XIII–XV вв. Историко-политический очерк // *Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг.* М.; Л., 1948. С. 80–106.
- Тюльпин А. Г. Политическая история Великого княжества Тверского в первой четверти XV века // *Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Материалы Международной научной конференции, посвященной 725-летию со дня рождения Михаила Ярославича – великого князя Тверского и Владимирского (г. Тверь, 27–29 ноября 1996 г.).* Тверь, 1997. С. 162–176.
- Шахматов А. А. Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инок Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». СПб., 1909. [2], 23 с.
- Halperin Ch. J. Tverian Political Thought in the Fifteenth Century // *Cahiers du Monde russe et soviétique.* 1977. Vol. 18. No. 3. P. 267–273.
- Halperin Ch. J. *The Tatar Yoke. The Image of the Mongols in Medieval Russia.* Corrected ed. Bloomington (Indiana), 2009. 248 p.
- Philipp W. Ein Anonymus der Tverer Publizistik im 15. Jahrhundert // *Festschrift für Dmytro Čyževskij zum 60. Geburtstag.* Berlin; Wiesbaden, 1954. S. 230–237.
- Vodoff W. La place du grand prince de Tver' dans les structures politiques russes de la fin du XIVe et du XVe siècle // *Vodoff W. Princes et principautés russes (X^e–XVIIe siècles).* Northampton, 1989. (Collected studies series. CS304). No. 12. P. 32–63. [Vodoff, 1989a]
- Vodoff W. L'idée imperiale et la vision de Rome à Tver', XIVe–XVe siècles // *Vodoff W. Princes et principautés russes (X^e–XVIIe siècles).* Northampton, 1989. (Collected studies series. CS304). No. 11. P. 475–493. [Vodoff, 1989b]

References

- Gorskii, A. A. “Vsego esi ispolnena Zemlya Russkaya...”: Lichnosti i mental'nost' russkogo srednevekov'ya. Oчерki [“Russian Land is Filled with Everything...”: Personalities and Mentality of the Russian Middle Ages. Essays]. Moscow, 2001. 175 p.
- Halperin, Ch. J. Tverian Political Thought in the Fifteenth Century. In *Cahiers du Monde russe et soviétique.* 1977. Vol. 18. No. 3. Pp. 267–273.
- Halperin, Ch. J. *The Tatar Yoke. The Image of the Mongols in Medieval Russia.* Corrected ed. Bloomington (Indiana), 2009. 248 p.
- Isaeva, T. S. *Gospodin Velikii Novgorod: evolyutsiya politicheskoi formuly v kontekste voin i diplomatii Vostochnoi Evropy kontsa XIV – XV vekov* [Gospodin Veliky Novgorod: The Evolution of the Political Formula in the Context of the Wars and Diplomacy of Eastern Europe at the End of the 14th – 15th Centuries]. Dissertation for the Degree of Master. Saint Petersburg, 2020. 99 p.
- Klyug, E. *Knyazhestvo Tverskoe (1247–1485 gg.)* [Principality of Tver (1247–1485)]. Transl. from German by A. V. Chernyshov. Tver, 1994. 431 p.
- Konyavskaya, E. L. *Oчерki po istorii tverskoi literatury XIV–XV v.* [Essays on the History of Tver Literature of the 14th – 15th Centuries]. Moscow, 2007. 399 p.
- Konyavskaya, E. L. *Tver' v XV veke: mechta ob ideal'nom gorode* [Tver in the 15th Century: The Dream of an Ideal City]. In *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu Srednevekov'ya.* Tver, 2018. Issue 11. Pp. 122–128.

- Krom, M. M. Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov [The Birth of the State: Muscovite Rus of the 15th – 16th Centuries]. Moscow, 2018. 245, [1] p., [12] l. of il.
- Kuchkin, V. A. Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv. [Formation of the State Territory of Northeastern Rus in the 10th – 14th Centuries]. Moscow, 1984. 349 p.
- Kuchkin, V. A., Florya, B. N. Knyazheskaya vlast' v predstavleniyakh tverskikh knizhnikov XIV–XV vv. [Princely Power in the Ideas of Tver Scribes of the 14th – 15th Centuries]. In *Rimsko-konstantinopol'skoe nasledie na Rusi: ideya vlasti i politicheskaya praktika. IX Mezhdunarodnyi seminar istoricheskikh issledovaniy "Ot Rima k Tre'temu Rimu"*, Moskva, 29–31 maya 1989 g. Moscow, 1995. Pp. 186–201.
- Lifshits, L. I. Rogatina velikogo knyazya Tverskogo Borisa Aleksandrovicha [The Spear of Grand Prince of Tver Boris Alexandrovich]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Problemy atributsii*. Moscow, 1993. Pp. 110–144.
- Likhachev, N. P. Inoka Fomy slovo pokhval'noe o knyaze velikom Borise Aleksandroviche [Monk Thomas's Eulogy about Great Prince Boris Alexandrovich]. In *Likhachev, N. P. Inoka Fomy Slovo pokhval'noe o blagovernom velikom knyaze Borise Aleksandroviche*. Saint Petersburg, 1908. Pp. I–LX.
- Lukin, P. V. Respublikanskaya ritorika v Drevnei Rusi [Republican Rhetoric in Old Rus]. In *Res Publica: Russkii respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX v.* Moscow, 2021. Pp. 76–152.
- Lukin, P. V. Novgorod i Venetsiya. Sravnitel'no-istoricheskie ocherki stanovleniya respublikanskogo stroya [Novgorod and Venice. Comparative Historical Essays of the Formation of the Republican System]. Saint Petersburg, 2022. 301, [1] p.
- Lur'e, Ya. S. Rol' Tveri v sozdanii Russkogo natsional'nogo gosudarstva [The Role of Tver in the Creation of the Russian National State]. In *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1939. No. 36. Pp. 85–109.
- Lur'e, Ya. S. Obshcherusskie letopisi XIV–XVI vv. [All-Russian Chronicles of the 14th – 16th Centuries]. Leningrad, 1976. 283 p.
- Philipp, W. Ein Anonymus der Tverer Publizistik im 15. Jahrhundert. In *Festschrift für Dmytro Čyževskij zum 60. Geburtstag*. Berlin; Wiesbaden, 1954. S. 230–237.
- Polekhov, S. V. Kak koronovat' velikogo knyazya? Iz istorii "koronatsionnoi buri" (1429–1430) i insignii, prednaznachavshikhsya dlya Vitovta [How is a Grand Duke Crowned as King? From the History of the "Coronation Storm" (1429–1430) and the Insignia Intended for Vytautas]. In *Istorijos šaltinių tyrimai*. Vilnius, 2021. Kn. 7. Pp. 9–74. DOI 10.33918/20290705-07001
- Popov, G. V., Ryndina, A. V. Zhivopis' i prikladnoe iskusstvo Tveri XIV–XVI veka [Painting and Applied Art of Tver of the 14th – 16th Centuries]. Moscow, 1979. 640 p.
- Romanov, B. A. Rodina Afanasiya Nikitina – Tver' XIII–XV vv. Istoriko-politicheskii ocherk [The Homeland of Afanasy Nikitin is Tver of the 13th – 15th Centuries. Historical and Political Essay]. In *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina 1466–1472 gg.* Moscow; Leningrad, 1948. Pp. 80–106.
- Shakhmatov, A. A. Otzyv ob izdanii N. P. Likhacheva "Inoka Fomy Slovo pokhval'noe o blagovernom velikom knyaze Borise Aleksandroviche" [Review of the Publication by N. P. Likhachev "Monk Thomas's Eulogy about Blessed Grand Prince Boris Alexandrovich"]. Saint Petersburg, 1909. [2], 23 p.
- Tyul'pin, A. G. Politicheskaya istoriya Velikogo knyazhestva Tverskogo v pervoi chetverti XV veka [The Political History of the Grand Principality of Tver in the First Quarter of the 15th Century]. In *Mikhail Tverskoi: lichnost', epokha, nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 725-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Yaroslavicha – velikogo knyazya Tverskogo i Vladimirskogo (g. Tver', 27–29 noyabrya 1996 g.)*. Tver, 1997. Pp. 162–176.
- Vodoff, W. La place du grand prince de Tver' dans les structures politiques russes de la fin du XIVe et du XVe siècle. In *Vodoff, W. Princes et principautés russes (X^e–XVIIe siècles)*. Northampton, 1989. (Collected studies series. CS304). No. 12. P. 32–63. [Vodoff, 1989a]
- Vodoff, W. L'idée imperiale et la vision de Rome à Tver', XIVe–XVe siècles. In *Vodoff, W. Princes et principautés russes (X^e–XVIIe siècles)*. Northampton, 1989. (Collected studies series. CS304). No. 11. P. 475–493. [Vodoff, 1989b]
- Zimin, A. A. Vityaz' na rasput'e: Feodal'naya voyna v Rossii XV v. [The Knight at the Crossroads: The Feudal War in Russia in the 15th Century]. Moscow, 1991. 286, [2] p.

«И бысть пущениемъ Божиемъ
въ тѣи дни възмогша иноплеменници, глаголемыи татарове...»:
некоторые аспекты тверской политической идеологии в XV в.

Pavel V. Lukin
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

“AND BY DIVINE ALLOWANCE IN THOSE DAYS THE FOREIGNERS,
CALLED TARTARS, BECAME STRONGER”:
SOME ASPECTS OF TVER POLITICAL IDEOLOGY IN THE 15th CENTURY

The article is devoted to the historical perceptions reflected in two literary works written in Tver in the 15th century, during the reign of Grand Duke Boris Alexandrovich and connected with his court. Paradoxically enough, their authors assumed that the Tver principality had always been an independent polity, that the Tver princes were autocrats or even “tsars”, and that the Mongol Yoke was either an episode in the history of Tver or did not exist at all. These counterfactual interpretations apparently played an important role in justifying the “sovereignty” of the Tver principality and can be compared with similar phenomena which may be traced elsewhere in Rus of this time, for instance in Novgorod-the-Great.

Keywords: Tver, Boris Aleksandrovich, Russian political ideology in the 15th century, Mongol Yoke, Novgorod-the-Great

